

*преподаватель кафедры романо-
германских языков Горловского
государственного
педагогического института*

МИФО-ФОЛЬКЛОРНАЯ ТРАДИЦИЯ В СТРУКТУРЕ РАССКАЗА

Л.Н. ТОЛСТОГО "ТРИ СТАРЦА"

XIX век – время формирования эстетических принципов реализма как метода, ориентированного на предельно достоверное изображение будничной жизни, среды, предметного мира, человеческих характеров. Однако русский реализм замечателен не только мастерским раскрытием противоречий человеческого сознания, но и умением делать эти духовные конфликты средоточием большого философского и общественного смысла, преломляя в них всемирно-историческую проблематику, корни которой в архаических временах.

В русской реалистической литературе XIX века идет многосторонний синтез внутрিলитературных, народнопоэтических, а вместе с ними и архаических традиций. Ведь литература тесно связана с мифологией не только генетически через фольклор, но и по типу отражения действительности. Поэтому вполне естественно, что литература обращается к мифологическим первоисточкам и на поздних этапах своего развития, когда уже забылось ее происхождение из мифологии. Это относится не только к произведениям с "мифологическими" сюжетами, но и к реалистическому нравоописательному искусству XIX века.

Критическое отношение, которое было свойственно русской литературе XIX века, не противоречило своеобразной мифологизации, использованию архаической символики. Мифологические элементы "поддерживали" критическое начало, поскольку предлагали дополнительные средства для заостренного выражения наблюдаемых процессов. Они не только обнажали несовершенство современного мира, но и выявляли некие неизменные, вечные начала, которые "прочитывались" в повседневной жизни, быте. В этой связи чрезвычайно интересна "мифологическая" составляющая в творчестве Л.Н. Толстого.

Своеобразие и целостность художественной структуры произведений писателя определяется прежде всего направленностью внимания автора на изображение человека со стороны всеобщих закономерностей его жизни, а не единичного и особенного. Такая ориентация авторского сознания получает воплощение в специфике предмета художественного изображения, близкой мифу: родовой природе человека, его сущности. В проблематике произведения подобная направленность авторского сознания ведет к акцентированию вопросов о смысле жизни, месте человека в мироздании, нравственных законах социально-исторического бытия, которые обычно вкладываются в понятие "философских". Вероятно, именно так следует рассматривать небольшой рассказ-легенду Толстого "Три старца", входящий в своеобразный цикл рассказов, называемых "народными".

Известно, что основополагающим понятием в эстетической системе Л.Н. Толстого является понятие "идеал". По существу, всю свою эстетику писатель разрабатывал, утверждал, опираясь на свое понимание философского термина "идеал", корни которого, как представляется, в мифо-фольклорных глубинах.

Об этической, гармонизирующей функции мифа свидетельствуют многочисленные исследования этнологов, мифологов, фольклористов, культурологов. Давая картину становления мира, миф коррелировался с "мировым законом", "промыслом", в соответствии с которым возникал и развивался мир – это одна из фундаментальнейших идей в понятийной структуре мифа. Организующая, обучающая и моделирующая роль мифа связана с качествами, параметрами, обуславливающими его специфику. Именно в этих особых

"этических" свойствах мифа следует искать объяснение целостного взгляда человека на мир. Миф являлся образной моделью миропорядка, своеобразным идеалом, на который ориентировался человек [1, с.30–48].

Целостный анализ одного из народных рассказов Толстого "Три старца" указывает на некоторые важные особенности того явления, которые мы называем архаической составляющей творчества великого писателя.

Движение авторской концепции в рассказе не преследует цели всесторонней характеристики объекта изображения, а подчинено выявлению его сущности через подведение под более широкое понятие субстанциального плана. Сюжет произведения, таким образом, строится на бинарных оппозициях, отличающихся общезначимостью содержания, обозначающих субстанциональные начала жизни. Формой нравственной оценки является рассмотрение объекта изображения в системе субстанциальных понятий самого высокого уровня: жизни и смерти, истины и лжи. Ориентация авторского сознания на изображение и осмысление действительности под углом всеобщего, субстанциально обуславливает своеобразие физической точки зрения автора: художественное время и пространство произведения обнаруживают тенденцию к безграничному расширению до охвата всего мироздания, всей истории человечества (через снятие маркировки времени и пространства, прямые и опосредованные исторические и мифологические аналогии). В результате сюжетная ситуация характеризуется повышенной обобщенностью, а художественный образ укрупняется до образа-идеи.

Несомненно, поэтика этого рассказа несет в себе печать эстетики "Войны и мира", "Анны Каренины": пластика пейзажей, психологическая глубина портретов действующих лиц, достоверность построения диалогов, отношение к деталям и т.п. Вместе с тем изложение материала, внутренние акценты в нем, система выразительных средств повествования свидетельствуют о наличии стилового пласта, восходящего к мифологическому миропониманию. К примеру, в начале рассказа заслуживает внимание семантическая связь между понятиями: "море" – "морочить" – "мрачный" – "смерть". Автор акцентирует внимание на бинарной оппозиции: печать смертности на людях / ответ бессмертия на том нравственном идеале, который проповедуется целостностью художественного произведения.

Связь между мифологией и фольклором столь же опосредована, как и между устным народным творчеством и художественной литературой. Но место легенды в цепочке трансформаций особенное. Являясь фольклорным жанром, легенда очень тесно связана с мифом через своеобразную сакрализацию легендарного слова: несмотря на кажущуюся фантастичность событий, о которых повествует легенда, все в ней, как и в мифе не подлежит сомнению. "Чудесная" сущность мифа (и легенды) связана с архетипическим характером мифологического события. "Небывалое, оно повторяется в бывалом и сущем. Оно повторяется в ритуале – регулярно, в природе – всегда" (И. Дьяконов) [2, с.188].

Неслучайно центральным нервом легендарного действия является чудо: оно озаряет сокровенную сердцевину явления. В легенде Л.Н. Толстого повествуется, как учил архиерей трех "темных" старцев церковным догмам, как эти старцы старались повторить за ним молитву. Между тем чудо ("Старцы за ним по морю, как по суку, бегут!") свидетельствовало: истина старцев, которые хоть и не умеют Богу служить, а только себе служат, живут в мире и согласии, помогают попавшим в беду, выше церковных догм и есть истинное служение Богу. Именно это понял архиерей, который сказал на прощание старцам, поклонившись им в ноги: "Не мне вас учить".

Главным героем рассказа является архиерей (со своим характером, со своей историей прозрения, что и определило движение сюжета произведения). Фигуры же трех старцев – "типичные" мифологические персонажи, поведение которых обусловлено стабильным "кругом действий" (В.Я. Пропп). Это своеобразие мифологического мышления Л.Н. Толстой прекрасно чувствовал и передал. "Как бы ни было велико расхождение между идейными

установками авторов или их историко-бытовым материалом и первоначальным мифологическим смыслом, мифологический "смысл" не полностью "отклеивался", форма не может быть "чистой" формой, и традиционный сюжет, традиционная метафорика сохраняют на каких-то уровнях традиционную семантику" [3, с.277].

Миф не объясняет мир, а дает его в модусе становления, манифестации, проявления. От повседневности он отдален хронологически (всегда повествует о том, что в природе не может повториться: о начале времен, о происхождении явлений и вещей и т.п.) и "территориально", поскольку происходит в особой сакральной сфере, отделенной от обыденной, профанной жизни. Поэтому миф всегда "интересен", увлекателен, эмоционально наполнен, всегда *достоверен* и не нуждается в каком бы то ни было подтверждении и доказательствах. Сакральные события, вследствие этого, воспринимаются как "реально" происшедшие. Отсюда следует исключительно "серьезное" отношение человека ко всему, что его окружало, что он делал. Любая профанная деятельность была инкорпорирована в систему сакральных, духовных ценностей. Будучи с древнейших времен формой познания человеком мира, миф основан на безоговорочной вере. Миф требует к себе полного, нерелективного доверия. Как предмет веры, миф имеет самое непосредственное отношение к синонимичному бытию человека. Освоение и переживание мифа – это овладение некоей аксиоматикой, самоочевидной и непререкаемой. То есть, миф апеллирует к его некритическому восприятию "как истина и притом как вся, как полная истина", "не допускает сомнения в своей истинности" (Ф. Шеллинг) [5, с.214,].

Типичная для XIX века "повсюдность" фольклора аутентичного, живущего по своим внутренним законам в фольклоропорождающей обстановке, была предпосылкой многогранных взаимодействий литературы с народнопоэтическим этическим началом. Легенда "Три старца" выявляет тот глубинный мифо-фольклорный пласт, на котором зиждется литературное произведение писателя. Несомненно, Л.Н. Толстой, что бы он ни говорил об устном народном творчестве ("образец" и т.п.), не выражал своего восхищения перед ним, – литератор, стремящийся помочь "пошатнувшемуся" искусству слова. Мифо-фольклорный код являлся тем фактором, который, с точки зрения писателя, поддержит искусство слова. Факт устойчивого существования фольклора "вселял" надежду на будущность литературы. В толстовской программе возрождения высокоморального, общедоступного искусства фольклору отводилась почетная роль методологической установки идейно-нравственного и художественного освоения действительности.

Литература:

1. Дербенёва Л.В. Архетип и миф как архаические составляющие русской реалистической литературы XIX века / Л.В. Дербенёва – Ивано-Франковск: Факел, 2007. – 427 с.
2. Дьяконов И.М. Архаические мифы Востока и Запада. Изд. 2-е, стереотипное / И.М. Дьяконов / Отв. ред. В.А. Якобсон. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 247 с.
3. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. 3-е изд., репринтное / Е.М. Мелетинский – М.: Издат. фирма "Восточная литература" РАН, 2000. – 407 с.
4. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90-та т. Юбил. изд. – М.; Л., 1953.
5. Шеллинг Ф. Введение в философию мифологии // Шеллинг Ф.В. Сочинения: В 2 т., М.: Мысль, 1989. – Т.2. – 640 с.

Анотація

Ю. ШКАЛОВА. МІФО-ФОЛЬКЛОРНА ТРАДИЦІЯ В СТРУКТУРІ ОПОВІДАННЯ Л.М. ТОЛСТОГО "ТРИ СТАРЦЯ"

Стаття присвячена дослідженню міфо-фольклорної складової "народного" оповідання Л.М. Толстого "Три старця". Міфологічні елементи "підтримували" критичне начало, яке було притаманне творчості письменника, як додаткові засоби для загострення соціальної

проблематики. Вони не тільки демонстрували недосконалість світу, але й виявляли вічні начала у повсякденному житті, побуті.

Ключові слова: міф, фольклор, література, легенда, оповідання.

Анотація

**Ю. ПИКАЛОВА. МИФО-ФОЛЬКЛОРНАЯ ТРАДИЦИЯ В СТРУКТУРЕ РАССКАЗА
Л.Н. ТОЛСТОГО "ТРИ СТАРЦА"**

Статья посвящена исследованию мифо-фольклорной составляющей "народного" рассказа Л.Н. Толстого "Три старца". Мифологические элементы "поддерживали" критическое начало, свойственное творчеству писателя, являясь дополнительными средствами для заострения социальной проблематики. Они не только обнажали несовершенство мира, но и выявляли вечные начала в повседневной жизни, быте.

Ключевые слова: миф, фольклор, литература, легенда, рассказ.

Annotation

**J. PIKALOVA. MYTH AND FOLK TRADITION IN THE STRUCTURE OF L. N.
TOLSTOY'S STORY "THREE AGED MEN"**

The article is dedicated to investigation of myth and folk immediate constituents of L. N. Tolstoy's tale "Three Aged Men". Mythological elements "maintained" the critical basis characteristic of the author's creative work, being the additional means of social problems' emphasizing. They exposed imperfection of the world as well as revealed the eternal principles in everyday's life and daily round.

Key words: myth, folk, literature, legend, tale.